

А с мужем она развелась лет десять тому назад, не хватило сил терпеть его бесконечные пьянки. Осталась с дочерью, поначалу бодрилась, а как дочь, выйдя замуж, укатила с мужем на восток, так в ней всё и опустилось. И вот теперь появился интерес к жизни и, что странно, — исчезла бессонница. Так спала, что чуть не опоздала на работу.

Утром, торопливо пробегая мимо своей надписи, подумала: «Где он сейчас, Петя Дегтярёв?». После девятого класса его отца, он был военным, перевели служить к западным границам, и они уехали. Прощаясь, поклялись обязательно встретиться после десятого класса в Москве — собиравшись поступать в один и тот же институт. Но всё получилось иначе. Возвращаясь из отпуска, разбились на самолёте Зойкины родители, и тётя Вера увезла её в другой город. Вместо института пришлось идти работать. Потом учёба заочно. Вышла замуж. Петя Дегтярёв вспоминался всё реже и реже, но бывали времена... когда казалось всё бы отдала, лишь бы встретиться с ним.

Зоя Александровна попыталась представить Петю взрослым и не смогла.

Шли дни, надпись на стене как бы помогала Зое Александровне жить, она черпала в ней силы. Но дожди делали своё дело — надпись виднелась уже не так чётко...

И вроде на этом история и заканчивалась. И уже напрашивался некоторый итог — воспоминание детства как одно из средств борьбы с бессонницей.

Но так случилось — это мы говорим «так случилось», а судьба всё приготовила заранее — Петя Дегтярёв жил в том же городе.

И вот раз, отправившись на поиски водки, — везде стояли семьсотграммовые бутылки, а у него денег было только на пол-литра — Дегтярёв попал как раз на ту улицу, по которой ходила на работу Зоя Александровна. Увидев на стене полустёртую надпись, он сначала прошагал мимо, мало ли на свете Дегтярёвых и почему бы какому-нибудь пацану не носить имя Петя. Но вот это «дурак в квадрате» напомнило ему что-то такое... Дегтярёв даже огляделся вокруг и вернулся к дому с надписью. Долго стоял, потирая пальцами лоб, затем достал из щели мел и чуть ниже написал дрожащей с похмелья рукой: «А Зойка — дура в кубе». Положил мел на место и сразу же поспешил уйти с этой улицы: впервые за много лет ему стало стыдно за свои измятые брюки, грязную в пятнах рубашку... И вообще водка его сразу перестала интересовать. Дегтярёв спешил домой, чтобы наедине подумать о случившемся.

Закрыв за собой дверь, кинулся к зеркалу и долго глядел на своё небритое, постаревшее, опухшее от пьянки лицо.

Неужели Зойка здесь, в этом городе? Он думал, что уже больше никогда не увидит её... Неужели Зойка здесь?

В дверь стучали, кричали — наверное дружки звали его опохмелиться, но Дегтярёв ничего не слышал. Он сидел на кровати, на которой кроме старого в пятнах матраса и грязного байкового одеяла ничего не было, подушку и ту заменяла телогрейка. Сидел, сцепив пальцы и вспоминал, вспоминал...

Зойка, если она здесь... Ведь он всё-таки побывал в городе, где они жили раньше, узнал, что её родители погибли и что она уехала с тётей. Но вот куда — никто не знал.

А оказалось, что Зойка совсем рядом — он был уверен, что надпись на стене принадлежит ей. И огромное желание, желание переполнявшее его, было бежать к этой надписи, стоять возле неё и день, и ночь, но дожидаться Зойки. Но как предстать перед ней в таком виде... И разве можно её пригласить в такую квартиру, где проданы даже стол и стулья. В последние годы за тунеядство не сажали, и он уже два года нигде не работал — сначала продал телевизор, магнитофон, холодильник, потом спустил всё остальное.

После долгих раздумий решил первым делом найти работу. Когда-то он был неплохим механиком, ходил на разных теплоходах, работал на берегу групповым механиком. На берег пришлось уйти из-за жены, но его уход не помог — не за подол же её держать, развелись. Потом были другие женщины, бесконечные пьянки, разные работы, увольнения...

На следующее утро он пошёл к знакомому, с которым когда-то вместе плавали на одном теплоходе, тот теперь был главным инженером в порту. Знакомый выслушал его заверения в том, что он бросил пить и сказал:

— Я тебе верю. Поговорю в кадрах, пойдёшь групповым механиком. Я думаю, ты не забыл, что из себя представляет дизель. Но подожди дня через два, ты посмотри, какая у тебя рожа.

А Зоя Александровна, увидев новую запись, замерла... Нет, она не могла повесить... Неужели судьба смилиостивилась к ней, ведь это мог написать только один человек... Петя Дегтярёв здесь, в городе... Боже мой!

Зоя Александровна взяла мел и написала: «А Петя Дегтярёв — дурак до бесконечности».

Она шла по улице, ничего не видя и не слыша. Он здесь... рядом... проходил по этой улице... Боже мой... какое счастье-то. Она ведь уже давно потеряла надежду встретить его.

Вечером не вытерпела, сходила ещё раз, посмотрела на надпись, даже потрогала её.

Назавтра, собираясь на работу, переменила все планы. Зоя Александровна была почему-то уверена, что Дегтярёв обязательно встретит её возле этих надписей. Она хотела и боялась этой встречи, боялась, что он разочаруется в ней, ведь прошло столько лет. Волновалась так, что внутри все дрожало, в каждом встречном мужчине ей виделся Дегтярёв, сердце готово было вырваться наружу...

А Дегтярёв за эти два дня, что дал ему знакомый, перестирал всё, что осталось из одежды, вымыл заплёванный, затоптанный пол, а вот забрызганные вином, залепанные обои пришлось оставить.

На работу вышел рано, когда ещё не ходили автобусы, и сразу на Зоину улицу, глянул на «Петя Дегтярёв — дурак до бесконечности» — и окончательно уверился: Зойка здесь, в городе. Взял мел и написал: «Здравствуй, Зоя!». Настроение было такое, словно блуждал в лесу, блуждал и вдруг, когда уже окончательно отчаялся, увидел родные места...

Знакомый не обманул, на работу Дегтярёва приняли благодаря главному инженеру, выдали и небольшой аванс.

На следующее утро снова встал пораньше, сделал зарядку и на Зоину улицу. Долго стоял, словно читал длинную-предлинную надпись, а было на стене всего два слова: «Здравствуй, Петя!». От радости хотел, как раньше, пройтись на руках, но брякнулся на землю, тело не хотело слушаться... но уйти так просто тоже не мог. Взял мел, долго крутил его пальцами, но ничего и не написал.

И не знал Дегтярёв, что Зоя Александровна наблюдала за ним. Стоя в подъезде ближайшего дома, она следила за Дегтярёвым и, когда он ушел, Зоя Александровна усталой походкой побрела прочь.

Всяким представляла себе Зоя Александровна Петю Дегтярёва, но только не таким. Испитое, постаревшее лицо, измятые брюки, у пиджака короткие рукава, волосы длинными патлами. Всё это ей уже было знакомо. Сразу вспомнился муж, его пьяные скандалы, а сколько раз он подкарауливал Зою Александровну уже после развода, просил денег на бутылку...

Нет, это был не тот Петя Дегтярёв, которого она ждала, не тот, которого она так часто вспоминала и молила неизвестно кого, чтобы помог ей встретиться с ним... Боже мой... она-то думала... надеялась...

На работе женщины ахнули, увидев её: — Зоя Александровна, что с вами? Вы заболели?

Весь день Зоя Александровна думала, что ей делать.

А ночью даже заплакала. Но решение приняла — стала ходить на работу по другой улице.

И потянулись вечера, похожие один на другой. Вернувшись с работы, нехотя ужинала, включала телевизор... Снова появилась изматывающая бессонница и приходилось принимать снотворное.

А на стене дома где-то через месяц появилась новая надпись: «Зоя, не уходи!». К которой какой-то шутник подписал: «Я всё прочту».

Но осенние дожди вскоре смыли и эту, и предыдущие надписи — можно было разобрать лишь отдельные буквы.

И где-то в конце сентября возле этой стены появился пьяный мужчина, обросший, по всему видно вконец опустившийся, плача, он время от времени стучал себя в грудь и кричал:

— Я, Петя Дегтярёв — дурак до бесконечности! Я, Петя Дегтярёв — дурак до бесконечности!

Нежданное тепло

21 декабря по улице Озёрной лопнула труба отопления. Хлынула горячая вода, грозя затопить траншею, которую неподалёку прокладывали землекопы. Самого молодого в бригаде, Генку Яковлева, послали звонить в бойлерную слесарям, а остальные, освободив трубу от стекловаты, попытались остановить течь. Но, как назло, трубу пробило как раз в таком месте, куда и руку-то не просунуть, а чтобы вбить клин — и не думай. Тогда, взявшись за отбойные молотки, землекопы решили отвести воду в сторону, но горячая вода, съедая снег, быстро просочилась в траншею. С самого начала работы, опасаясь повредить посаженный возле дома кустарник, выкидывали землю из траншеи в одну сторону. И теперь с другой, не защищенной отвалом стороны, вода и заливала траншею.

— Всё! — Ешутин, по-медвежьи сильный, отличавшийся этим даже среди землекопов, отбросил в сторону лопату. — Шабаш! Не хотел сегодня расслабляться, а придётся. Гони, мужики, бабки.

— Погоди, Виктор, может, что придумаем, — возразил Корнеич, пожилой шупленького вида бригадир, а из-за привычки постоянно втягивать голову в плечи, казавшийся ещё меньше.

— Ну, что мнёте? — Ешутин сделал вид, что не слышал бригадира. — Гоните бабки.

— Рад бы, да заначка давно кончилась, а на работу жена сухой паёк выдаёт и ни копейки наличными, — Тойгичев, такой же бугай, как и Ешутин, сокрушённо развёл руками и облизнул губы.

— Сухой паёк! Каждый день полмешка еды на работу таскает и обижаются, — бригада недолюбливала прижимистого Тойгичева.

— Зато твоя тебя на диете держит.

— Ну, расстрепались, только повод дай. Скидываемся или нет?

— Не мешало бы, — снова откликнулся Тойгичев, — одолжи, если есть.

— На бутылку есть.

— Может домой сходишь? Тебе же рядом.

— Ладно, — согласился Ешутин. — Так и быть, схожу.

— А мы, мужики, всё-таки подолбим, сделаем канаву, а то совсем зальёт траншею, — бригадир подобрал брошенную Ешутин лопату.

Жена даже не спросила у Ешутина, зачем ему деньги — подала молча, глядя в

сторону. Зато сын, пятиклассник Вовка, не вытерпел:

— Опять пьяный придёшь?

— Тебе какое дело? Давно за уши не драл?

— Да-а-а, ты пьёшь и пьёшь. И маму ругаешь, — голос у Вовки звенел, готовый сорваться.

«Ишь, волчонок растёт, не боится», — подумал Ешутин и замахнулся:

— Я тебя научу с отцом разговаривать.

— Не тронь! — жена встала между ним и сыном. Маленькая, по грудь Ешутину, она бесстрашно смотрела на мужа. — Допился, на сына замахиваешься.

— Ты послушай лучше, как он с отцом разговаривает!

— Сам виноват.

— Виноват, что не инженер? Стыдно стало за папу землекопа, что в земле, как крот, возится. А деньги, поди, любите.

— Да причём здесь это? — жена подтолкнула сына. — Иди, делай уроки.

— А притом, что оба нос воротите...

Раньше эти слова муж говорил только пьяный, теперь стал повторять и трезвый. Землекопом он работал всего третий год, до этого был инженером, но пил, прогуливал, а когда понизили в должности, обиделся и по совету соседа двинул в СМУ землекопом. Сначала стеснялся знакомых, как-никак инженер, и от этого пил ещё больше. Пьяный куражился перед женой:

— Стыдно, что муж в земле роется? Ничего, деньги не пахнут.

Где он услышал это выражение — не помнил, только любил его повторять. На жену и сына руки не поднимал, говорил только:

— Уходите, пока не разолился.

Жена с сыном, если было тепло, сидели во дворе, ждали, когда он уснёт. Зимой стучались к соседям. Когда утром жена начинала укорять его, трезвого, зло отвечал:

— Что тебе от меня надо? Не дерусь, денег всех не пропиваю.

А вечером снова напивался, шумел, а если приходил трезвый, было ещё хуже. Жена с сыном говорили о своих, известных только им делах, а он бесцельно слонялся по комнатам, не зная, чем заняться, чувствуя себя чужим и ненужным в собственном доме...

Пока Ешутин ходил за деньгами, приехали слесари, быстро поставили на трубу хомут, хорошенько затянули и укатали, не отвечая на ругань землекопов. Известно откуда появившаяся стая воробьёв с шумом расселась вокруг образовавшегося озера и неожиданно затеяла купание. Воробьи словно старались отогреть свои маленькие тельца в тёплой воде.

— Вот, стервецы, что делают, — вздохнул Корнеич, — ведь перемерзнут, такая холодина.

Генка с криком «Кыш! Кыш!» бросился их отгонять, но было уже поздно. Воробьи взлетали на ветки, начинали чистить пёрышки и ледяными комочками падали в снег. Генка сорвал с головы шапку и стал собирать в неё упавших воробьёв.

— Зачем они ему? — спросил подошедший Ешутин.

— Кошке, наверно, собирает, — ответил Тойгичев, — как-никак мясо.

— Дядя Витя, — подбежал к Ешутину Генка, осторожно прижимая к груди шапку, — отнесите, пожалуйста, домой. Вы ведь недалеко живёте. Пусть отогреются, обсохнут.

— Ты что, Генка, очумел? Да меня жена с сыном на смех поднимут.

— Давай мы их лучше на закуску, на костре поджарим, — предложил посмеиваясь Тойгичев.

— Дядя Витя, пожалуйста! Мы с вами стоим, а здесь птицы гибнут.

— Ну, раз гибнут, давай, — Ешутин взял шапку с воробьями, свою нахлобучил по самый нос на голову Генке. — Простудишься, что мать скажет.

— Дядя Витя, вы быстрее!

— Сейчас, разбежался, — пробурчал Ешутин, но всё же прибавил шагу. — Чёрт,